

DOI 10.35775/PSI.2025.128.11.026

УДК 32.327

М.Б. НАРМАЕВ

аспирант кафедры теории

истории международных отношений

Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

E-mail: narmaev1995@mail.ru

КИТАЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ ПРОЕКЦИЯ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Статья посвящена анализу того, как КНР продвигает собственное понимание безопасности на международной арене. Проблематика работы заключается в изучении трансформации Китая из объекта мировой системы в ее активного архитектора. Цель исследования – раскрыть содержание «инициативы глобальной безопасности» (全球安全倡议 *qiánqíú ānquán chāngyì*) и показать ее место в Белой книге 2025 года. В задачи входят: анализ восприятия международной нестабильности, изучение концепции «наслоения угроз», описание практических форм реализации инициативы глобальной безопасности и ее влияния на глобальный Юг. Использован комплексный подход: сравнительный анализ официальных документов, изучение дипломатических практик Китая и элементов нарративного анализа китайского внешнеполитического дискурса. Установлено, что инициатива глобальной безопасности закрепляет отказ Китая от логики блоков и конфронтации. Концепция связывает безопасность с развитием, предлагая устранять корни нестабильности через инфраструктурные проекты, борьбу с бедностью, цифровизацию и климатическую адаптацию. Показано, что практическое воплощение инициативы глобальной безопасности выражается в посредничестве в региональных конфликтах, продвижении инициатив через ООН и ШОС, а также в укреплении связей с глобальным Югом. Инициатива глобальной безопасности превращает Китай в активного архитектора нового международного порядка, где безопасность понимается как общее благо, а не как инструмент давления. Белая книга 2025 года закрепляет этот сдвиг, демонстрируя, что внешнеполитическая стратегия КНР ориентирована не только на защиту, но и на проектирование глобальной устойчивости.

Ключевые слова: Китай, национальная безопасность, Белая книга, международная безопасность, идеология, модернизация, концепция «общей судьбы», стратегическая автономия, политическая устойчивость, внешнеполитическая доктрина.

1. Внешнеполитическая нестабильность и ее восприятие в стратегическом мышлении КНР. Когда Китай говорит о безопасности, он все чаще имеет в виду не столько военные угрозы в привычном смысле, сколько постоянно расширяющееся поле внешнеполитических напряженностей. В последние годы Пекин сталкивается с усложнением международной обстановки: обострение

конкуренции с США, нестабильность в Восточной Азии, политические и экономические колебания на глобальном уровне – все это формирует картину стратегической непредсказуемости, которую китайское руководство вынуждено учитывать при выработке политики национальной безопасности [6].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 8; 9; 11; 12; 14; 15; 16].

Однако проблему китайской концепции глобальной безопасности и ее проекции на международные отношения нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Ключевым элементом в восприятии нестабильности становится представление о «безопасности», которая охватывает не только традиционные военные аспекты, но и экономику, политику, культуру, технологическую сферу и даже международную репутацию Китая. Концепция «инициативы глобальной безопасности» была подробно изложена в Белой книге 2025 года и отразила возросшую чувствительность китайского руководства к широкому спектру факторов внешнего давления [19]. По сути, Пекин исходит из предпосылки, что даже непрямые формы давления – через санкции, технологические ограничения или дипломатическую изоляцию – могут быть интерпретированы как угрозы национальной безопасности.

Ситуация на Корейском полуострове, напряженность в Южно-Китайском море, углубление сотрудничества США с Японией и Южной Кореей – все эти процессы оцениваются в Китае не изолированно, а как элементы единой внешней среды, способной влиять на стабильность внутри страны. В китайском дискурсе подобные явления все чаще интерпретируются через призму «враждебного окружения» или «недружественных контуров безопасности». Это, в свою очередь, приводит к усилению мобилизационных установок внутри системы управления и к сдвигу в сторону предвосхищающей реакции на потенциальные риски [4].

Одной из характерных черт подхода КНР к внешнеполитической нестабильности является отказ от линейной модели угроз. Китайские стратеги склонны мыслить категориями системных взаимосвязей и нелинейных сценариев развития, исходя из того, что даже малые региональные кризисы могут иметь каскадный эффект. В аналитических докладах Китайского института современных международных отношений (CICIR) подчеркивается, что современный мир вступил в фазу «наслоения угроз», где граница между военной, политической, технологической и идеологической опасностью становится все менее отчетливой [22].

Подобное восприятие рисков требует иного типа стратегического мышления. Китайская модель безопасности стремится не к полной элиминации угроз (что признано невозможным), а к формированию устойчивости – «resilience» – в многоуровневой системе реагирования. Именно поэтому столь большое внимание в Белой книге 2025 года уделяется институциональной гибкости, способности

к саморегулированию и стратегическому терпению. Это проявляется как во внешнеполитических инициативах Пекина (например, в продвижении концепции Глобальной инициативы безопасности), так и в укреплении внутренних контуров управления.

Системный подход к восприятию нестабильности позволяет китайской внешней политике избегать излишней реактивности и сохранять гибкость. Внутри экспертного сообщества КНР постепенно формируется понимание, что стратегия в XXI веке должна опираться не на жесткие доктрины, а на способности адаптироваться к текучей, фрагментированной реальности [10]. Это требует не столько точных прогнозов, сколько устойчивых систем адаптации. Именно поэтому безопасность в трактовке Пекина все меньше похожа на «оборону» в узком смысле. Это скорее способность удерживать баланс при изменяющихся внешних условиях. И в этом, пожалуй, главное новшество китайской внешнеполитической доктрины за последнее десятилетие.

2. Модернизация системы национальной безопасности. Национальная безопасность в современном Китае – это уже не только про защиту от внешней агрессии или угрозу дестабилизации. Это все больше про устойчивость – ту самую способность справляться с рисками разного типа: от политических до технологических, от гуманитарных до климатических. Белая книга 2025 года отражает именно такую эволюцию подхода: КНР выходит за рамки привычных сценариев и делает ставку на системное обновление своих институтов, отвечающих за безопасность [22].

Если раньше акцент делался на иерархии, вертикали и реактивных инструментах, то сейчас ставка – на гибкость и устойчивую горизонтальную координацию. Китайская модель безопасности в последние годы делает все, чтобы не оказаться в положении догоняющего. Это особенно заметно в том, как в стране реорганизуются механизмы планирования: все чаще звучат слова о необходимости не просто предотвращать угрозы, но научиться предвидеть их и готовиться заранее [7].

В самой структуре реформ видно, насколько Пекин стремится охватить разные уровни. С одной стороны – совершенствование законодательства: нормативная база должна быть достаточно гибкой, чтобы не тормозить решения в критических ситуациях, но и не допускать произвола. С другой – пересмотр принципов межведомственного взаимодействия. В Белой книге подчеркивается, что ведомства больше не могут действовать в изоляции. Будь то кибератака, сбой в цепочке поставок или природная катастрофа – важно, чтобы ответ был слаженным и оперативным.

В новой Белой книге 2025 года заметно, что подход к безопасности в Китае становится более гибким и многоуровневым. Один из ключевых акцентов – развитие «модульных» решений, которые можно быстро включать в действие в зависимости от характера угрозы. Это означает не просто перестройку государственной машины, а расширение числа участников: теперь к работе подключаются не только профильные министерства, но и университеты, исследовательские

центры, технологические компании [22]. Такой формат уже доказал свою эффективность в период пандемии, когда КНР выстраивала цепочки оперативного реагирования не сверху вниз, а за счет распределения функций и использования локальных ресурсов. В документе подчеркивается, что важен не только сам механизм, но и подготовленность тех, кто в нем задействован: нужна не просто реакция, а осмысленная, слаженная работа на всех уровнях. Поэтому все чаще поднимается вопрос об «институциональной чувствительности» – способности системы заранее почувствовать сбой, не дожидаясь, пока он перерастет в кризис.

В этом контексте на первый план выходит вопрос кадровой и технологической готовности. Китайская стратегия предполагает, что государство должно уметь не только отвечать на вызовы, но и видеть их за горизонт [23]. Уже сейчас в отдельных провинциях используются аналитические платформы, способные предсказывать природные катастрофы, вспышки заболеваний или социальные отклонения на основе поведенческих паттернов. Эти системы не просто собирают данные, а выстраивают логические сценарии, которые помогают принять решения до того, как возникнет критическая ситуация [5]. При этом важно, что Китай осознает: страна слишком велика и неоднородна, чтобы управлять рисками исключительно из центра. Поэтому в разных регионах создаются группы быстрого реагирования и аналитические структуры, которые могут действовать самостоятельно, но при этом быть встроены в общую архитектуру национальной безопасности. Такая модель предполагает сочетание централизованной координации и автономии на местах – именно она становится базой для новой системы управления рисками и реагирования.

3. Концепция глобальной безопасности и внешнеполитическое измерение. Уже в начале 2020-х годов стало ясно, что Пекин больше не ограничивается внутренними или чисто региональными задачами, когда речь идет о безопасности. Китайское руководство все чаще говорит о необходимости переосмыслить само понятие глобальной стабильности [20]. Идея в том, что безопасность – это не просто отсутствие конфликтов, а сложная система взаимодействий, охватывающая и политику, и экономику, и технологии. В Белой книге, представленной в 2025 году, Китай показывает: он не просто участник, а претендент на роль одного из авторов будущей международной архитектуры. Причем архитектуры, в которой не будет места делению мира на «своих» и «чужих» [21]. Главный упор делается на то, что безопасность должна быть общей – не за счет кого-то, а вместе с другими. В центре внимания – равноправие, уважение суверенитета, отказ от навязывания политических моделей под видом универсальных ценностей. Китай подчеркивает: прочный порядок не может быть построен на внешнем вмешательстве, даже если оно подается как гуманитарная помощь или борьба за демократию.

Отдельного внимания заслуживает то, как в документе связаны между собой вопросы безопасности и развития. Этот акцент появляется впервые столь четко и последовательно. В Пекине считают: без доступа к технологиям, инвестициям, стабильным каналам торговли и знаниям невозможно говорить о надежной

системе предотвращения кризисов [13]. Поэтому к факторам угроз относят и бедность, и цифровой разрыв, и климатические вызовы. Китай видит в этих явлениях не только внутренние вызовы для отдельных стран, но и причины, способные вызвать глобальные потрясения. На этой основе формируется альтернатива западным подходам – не силовое сдерживание, а устранение корней нестабильности. Иными словами, безопасность по-китайски – это не просто защита границ, а создание условий, при которых эти границы не окажутся под угрозой.

На практике Китай стремится подкрепить свои идеи конкретными шагами. Это видно на примере его дипломатической активности в последние годы. В инициативе «Пояс и путь» присутствует не только экономическая логика, но и стратегическое измерение: создание устойчивых маршрутов, минимизация рисков логистических и ресурсных зависимостей, усиление взаимодействия в кризисных зонах. Аналогичным образом действуют проекты в рамках ШОС и БРИКС, где Китай развивает тему «безопасного сотрудничества» – без давления, без условий, но с четким пониманием общих интересов [17].

Особое внимание в концепции глобальной безопасности КНР уделяется механизмам предотвращения конфликтов. В тексте Белой книги подчеркивается необходимость не просто реагировать на угрозы, но устранять их причины. Это принципиальное отличие от силовой модели «сдерживания», распространенной в западной дипломатии. Китай, напротив, делает акцент на диалог, раннее предупреждение, мониторинг, работу с социальными и политическими напряжениями в странах-партнерах [24].

Тем не менее, Китай отдает себе отчет в том, что его концепция требует признания со стороны других акторов. Поэтому значительное место в документе занимает идея «открытости к многосторонним форматам». Пекин выступает за реформу международных организаций, в первую очередь ООН, при этом подчеркивая: реформы не должны разрушать, а должны усиливать способность институтов адаптироваться к новым условиям. Это касается, например, расширения представительства развивающихся стран в Совбезе, выработки новых правил цифрового взаимодействия и глобального реагирования на чрезвычайные ситуации [21].

Интересно, что в контексте внешней политики Китай все чаще обращается к понятию «безопасностного баланса». Это означает признание сложности международной среды и отказ от жесткой поляризации. Китайская дипломатия в последние годы активно демонстрирует стремление к уравниванию отношений даже с теми государствами, с которыми имеются глубокие разногласия. Например, несмотря на жесткие позиции по Тайваню или Южно-Китайскому морю, Пекин продолжает настаивать на необходимости прямых переговоров и поиске взаимоприемлемых решений, пусть даже долгосрочных и небыстрых [18. P. 151-79].

Важное место занимает идея «разъединенной интеграции». Под этим в китайской доктрине понимается способность сотрудничать в тех сферах, где это возможно, несмотря на обострение в других. Классический пример – отношения

с США: при сохраняющемся соперничестве в военной и идеологической плоскости Пекин предлагает не сворачивать экономическое взаимодействие и научный обмен.

Белая книга также подчеркивает, что международная безопасность в китайском представлении – это не универсализация одного пути, а признание разнообразия. Китай, в отличие от ряда западных держав, не настаивает на том, чтобы другие государства копировали его политическую систему. Напротив, Пекин подчеркивает: каждый народ имеет право сам выбирать путь своего развития, и именно это многообразие должно стать основой устойчивого мира. Такое понимание делает китайский подход ближе к странам Глобального Юга.

Наконец, в концепции глобальной безопасности КНР появляется и важный морально-философский акцент. Китайское руководство все чаще говорит о необходимости формирования «сообщества единой судьбы человечества». Эта формула, впервые озвученная еще в 2017 году, сегодня приобретает новое звучание. В ней отражено убеждение, что глобальные вызовы – будь то пандемии, климат, терроризм или экономические кризисы – не знают границ, а потому требование времени – не изоляция, а совместная ответственность.

Таким образом, внешнеполитическое измерение китайской концепции безопасности не сводится к дипломатии в узком смысле. Это попытка предложить целостный взгляд на мир – с его уязвимостями, напряжениями, но и возможностями. КНР позиционирует себя не как оппонент, а как партнер, готовый к диалогу, к взаимодействию, к поиску форм, при которых безопасность перестанет быть игрой с нулевой суммой. И в этом, вероятно, заключается не только прагматика, но и мировоззренческое ядро китайской внешней политики на ближайшие годы.

Заключение. Таким образом, внешнеполитический блок китайской концепции национальной безопасности закрепляет переход страны от оборонительной к созидательной роли. Инициатива глобальной безопасности превращается в инструмент, с помощью которого Китай стремится объединять разные регионы и предлагать решения, выходящие за рамки привычных блоковых стратегий.

Белая книга 2025 года подытоживает этот процесс: Китай видит безопасность не как набор изолированных мер и не как военное равновесие, а как систему взаимосвязей, где развитие, устойчивость и сотрудничество образуют единую логику. Это делает китайский проект привлекательным для стран глобального Юга и одновременно ставит вызов устоявшейся западной архитектуре.

Вместе с внутренним измерением, рассмотренным у автора данной статьи «Внутреннее измерение: эволюция китайской концепции национальной безопасности (2014–2025)», внешнеполитическая концепция безопасности показывает, что Китай выстраивает многоуровневую стратегию: устойчивость дома и активное участие в формировании правил вовне. Именно в этом синтезе и заключается уникальность современной китайской модели – она стремится не только защитить страну от рисков, но и превратить безопасность в фундамент нового глобального порядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алаудинов А.А.** Концепции и подходы ведения гибридных войн Китайской Народной Республики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 4.
2. **Бирюков С.А.** Китай как конкурент США за лидерство в современной системе международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 5.
3. Гамерман Е.В. Политические аспекты экономической безопасности острова Тайвань // Вопросы политологии. 2025. № 5.
4. **Заклязьминская Е.И.** Геополитические шахматы // «Известия». 2024 г. // <https://iz.ru/1746484/ekaterina-zakliazminskaia/geopoliticheskie-shakhmaty>.
5. **Кортунов А.В.** Безопасность и развитие Северо-Восточной Азии: нужны новые подходы // РСМД, август 2021 г. // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bezopasnost-i-razvitie-severo-vostochnoy-azii-nuzhny-novye-podkhody/?sphrase_id=140614395.
6. **Ломанов А.В.** Внешнеполитические концепции КНР в третий срок председательства Си Цзиньпина / Внешняя политика КНР и российско-китайское взаимодействие в год 75-летия двусторонних дипломатических отношений: сборник тезисов по материалам докладов ежегодной научной конференции Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН (11 июня 2024 года, Москва) / отв. ред. Т.М. Мамахатов. М.: ИКСА РАН, 2025. DOI:10.48647/ICCA.2025.90.10.003
7. **Манцуров А.Ю.** Система обеспечения национальной безопасности Китайской Народной Республики: административно-правовой аспект // ЮП. 2016. № 6 (79) // <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-kitayskoy-narodnoy-respubliki-administrativno-pravovoy-aspekt>.
8. **Медведев Н.П.** К вопросу о внешнеполитической стратегии Китая: обзор актуальных исследований // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 1.
9. **Пан Лу.** Стратегическая конкуренция КНР с США и индо-пакистанский конфликт в контексте многосторонней дипломатии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 2.
10. **Петровский В.Е.** Внешняя политика Китая в уходящем году – концепции и практика // Международная жизнь. 2023 г. // <https://interaffairs.ru/news/show/43873>.
11. **Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.** Информационные, гибридные и прокси-войны: обзор новейших исследований // Вопросы политологии. 2024. № 12.
12. **Сунь Сяомэн, Медведев Н.П.** Нетрадиционные угрозы безопасности и пути им противодействия в контексте международного сотрудничества // Вопросы политологии. 2024. № 5.

13. Сюн Л., Ань Л. Инициатива по глобальной безопасности в контексте внешней политики Китая // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. DOI: 10.35775/PSI.2022.91.10.028.
14. Телегин Д.С. Архитектура военно-политического сдерживания Китайской Народной Республики в Индо-Тихоокеанском регионе // Вопросы политологии. 2024. № 5.
15. **Форостянный Н.С., Темкина А.М.** Политический потенциал БРИКС в трансформации системы международной безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 7.
16. Штарк Л.П. Технологический фактор американо-китайского геополитического противостояния // Вопросы политологии. 2024. № 7.
17. **Ekman A.** China's global security initiative. EU Institute for Security Studies, 2023 // <https://www.iss.europa.eu/publications/briefs/chinas-global-security-initiative>.
18. **Feng Liu.** China's Security Strategy towards East Asia // The Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9, no. 2 // <https://www.jstor.org/stable/48615949>.
19. Global Strategic and Security Risks 2025 // CICIR, 2025 // <http://www.cicir.ac.cn/UpFiles/file/20250126/6387349886799950699803854.pdf>.
20. Ministry of Foreign Affairs PRC. Abstract of white paper on China's national security in new era. Beijing, May 2025 // http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2025-05/13/content_117871660.html.
21. Ministry of Foreign Affairs PRC. The Global Security Initiative Concept Paper. Beijing, February 2023 // https://en.chinadiplomacy.org.cn/pdf/The_Global_Security_Initiative_Concept_Paper.pdf.
22. 董春岭。系统思维视域下的总体国家安全观 (Дун Чуньлин. Концепция национальной безопасности в системном мышлении) // 《国家安全研究》2022 年第 4 期 // <http://www.cicir.ac.cn/UpFiles/file/20221111/6380377690243834776610375.pdf>.
23. 傅小强。国际战略形势回顾与前瞻 (Фу Сюэцян. Обзор и перспективы международного стратегического положения) // 《国家安全研究》2023 年第 1 期 // <http://www.cicir.ac.cn/UpFiles/file/20230807/6382699580810301493481974.pdf>.
24. 韩立群。对总体国家安全观中«总体»和«领域»辩证关系的思考 (Хань Лицзюнь. Размышления о диалектической связи «всеобщего» и «предметного» в общей концепции национальной безопасности) // 《国家安全研究》2023 年第 3 期 // <http://www.cicir.ac.cn/UpFiles/file/20230807/6382700131340683437847608.pdf>.

M.B. NARMAEV

Postgraduate student of the Department
of Theory and History of International Relations
at RUDN University, Moscow, Russia

THE CHINESE CONCEPT OF GLOBAL SECURITY AND ITS PROJECTION ON INTERNATIONAL RELATIONS

The article is devoted to the analysis of how China promotes its own understanding of security in the international arena. The problem of the work is to study the transformation of China from an object of the global system into its active architect. The purpose of the study is to reveal the content of the Global Security Initiative and to show its place in the 2025 White Paper. The tasks include: analyzing the perception of international instability, studying the concept of «threat stratification», describing practical forms of implementation of the global security initiative and its impact on the global South. A comprehensive approach was used: a comparative analysis of official documents, the study of China's diplomatic practices and elements of a narrative analysis of Chinese foreign policy discourse. It has been established that the global security initiative reinforces China's rejection of the logic of blocs and confrontation. The concept links security with development, proposing to eliminate the roots of instability through infrastructure projects, poverty reduction, digitalization and climate adaptation. It is shown that the practical implementation of the global security initiative is expressed in mediation in regional conflicts, promotion of initiatives through the UN and the SCO, as well as in strengthening ties with the global South. The Global Security Initiative turns China into an active architect of a new international order, where security is understood as a common good, and not as an instrument of pressure. The 2025 White Paper reinforces this shift, demonstrating that China's foreign policy strategy is focused not only on protection, but also on designing global sustainability.

Key words: China, national security, White Paper, international security, ideology, modernization, concept of «common destiny», strategic autonomy, political stability, foreign policy doctrine.